

DOI 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87

УДК 39

Дарья Алексеевна Москвина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3856-1009
E-mail: damoskvina@edu.hse.ru

Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии

АННОТАЦИЯ. Рассматривается оформившееся в 1930-е годы направление под названием «этнография колхоза». Анализируется деятельность колхозной группы в Институте по изучению народов СССР Академии наук СССР (ИПИИ) в период с октября 1930 по май 1932 г. Институт, созданный путем реорганизации своего предшественника — Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, должен был заняться изучением пережитков в повседневной жизни, тормозящих темпы социалистического строительства. Группа по этнографическому изучению колхозов должна была отразить успехи в установлении коллективных хозяйств, показав второстепенную роль особенностей традиционного уклада в национальных районах. Рассматриваемый период вошел в историю советской этнографии как момент коренного перелома, когда задачи и методы работы в поле стали динамично меняться. На примере работы колхозной группы продемонстрировано, как этнографы формулировали новые принципы и стратегии в «поле и кабинете». Рассматриваются экспедиции в колхозы как исследовательский эксперимент своего времени, который был связан с желанием создать прикладную науку и стать частью «социалистического строительства».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этнография колхоза, советская этнография, коллективизация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Москвина Д. А. Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии. *Кунсткамера*. 2021. 1(11): 75–87.
doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87

Daria Moskvina

Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3856-1009
E-mail: damoskvina@edu.hse.ru

**Applied Science at the Institute for the Study of the Peoples
of the USSR of the USSR Academy of Sciences in the 1930s:
A Project of Collective Farm Ethnography**

ABSTRACT. This article is devoted to the ethnographic fieldwork in collective farms which was conducted by a group of Soviet ethnographers from the Institute for the Study of the Peoples of the USSR of the Academy of Sciences (IPIN) in the 1930s. This Institute was meant to study relics (*perezhitki*) of the past which hindered the process of collectivization. The “collective farm research group” was supposed to reflect the success in the establishment of collective farms by presenting the secondary role of the features of the traditional way of life in ethnical regions. In this article, I consider the period which was characterized by radical changes in the history of Soviet ethnography and is sometimes called the period of Marxization of ethnography. Providing the case study of the work of the “collective farm research group,” I demonstrate how ethnographers formulated new principles and strategies of fieldwork. I consider expeditions to collective farms as a research experiment which was meant to create applied studies and to become a part of the “socialist construction”.

KEY WORDS: collective farm ethnography, Soviet ethnography, collectivization

FOR CITATION: Moskvina D. Applied Science at the Institute for the Study of the Peoples of the USSR of the USSR Academy of Sciences in the 1930s: A Project of Collective Farm Ethnography. *Kunstkamera*. 2021. 1(11): 75–87. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87

«Переживаемый нами период перехода из капиталистической общественно-экономической формации в социалистическую вызывает необходимость исследования этого перехода на всех участках социалистического строительства», — так начинает свою статью «Белорусская женщина в колхозном строительстве» А. Я. Дуйсбург, участница одной из многочисленных экспедиций Института по изучению народов СССР Академии наук СССР (ИПИИ) в нарождающиеся колхозы (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 1). Эта цитата довольно точно описывает исследовательский энтузиазм научных сотрудников 1930-х годов. На их глазах разворачивались важные процессы — коллективизация, индустриализация и культурная революция. Для описания наблюдаемых явлений этнографы использовали выражение «ломка и переустройство быта». В самой этнографии этого периода также произошел коренной перелом, выразившийся в попытке систематизировать представления о методе и предмете. В историографии этот перелом в основном рассматривается в контексте совещания этнографов Москвы и Ленинграда, прошедшего 5–11 апреля 1929 г. (От классиков к марксизму 2014). На совещании был обозначен объект этнографии — социально-экономические формации, задачей этнографов стало «историческое изучение конкретных во времени и пространстве человеческих обществ». Главным лозунгом совещания объявили переход «от классиков к марксизму», т. е. от «буржуазной» этнологии к советской этнографии (От классиков к марксизму 2014: 63).

Коренной перелом был связан с изменением вопросов, которые общество стало задавать науке, а также с тем, как сами этнографы стали понимать задачи исследовательской работы. Как отмечает М. Дэвид-Фокс, в это время «исследовательская деятельность ради нее самой и ради чистой науки приобрела черты инакомыслия» (Дэвид-Фокс 2020: 305). Этнография как наука описательная, занимающаяся сбором данных о культуре и быте, не удовлетворяла потребностям государства — она должна была стать полезной обществу. Советские этнографы начали активно участвовать в «научном обосновании практики трансформации старых укладов и строительства нового быта у народов России» (Лопуленко 2012: 27). В этом контексте необходимо вспомнить, например, о сотрудничестве этнографов с Комитетом Севера: юные выпускники Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза «считали себя апостолами и первопроходцами», сотрудники и друзья Комитета были «миссионерами новой культуры» (Слэзкин 2008: 191).

Созданный в 1930 г. Институт по изучению народов СССР поставил перед собой прикладную задачу: «всестороннее выяснение пережиточных явлений, тормозящих переход от старых форм быта к новым», а также «содействие отысканию способов их ликвидации для облегчения и ускорения общего перехода к формам социалистического быта» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 79. Л. 114). Этот Институт был создан путем реорганизации своего предшественника — Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС). Одним из поводов реорганизации было то, что «за свое более чем 10-летнее существование» Комиссия так и не адаптировала научную деятельность под запросы «пролетарского государства» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 79. Л. 159).

Рассмотрим этнографическое изучение колхозов как одно из направлений прикладных исследований. Возможно, этот проект был попыткой соответствовать актуальной «политической повестке», а выбор объекта исследования закономерен в связи с коллективизацией. Однако я хочу показать, что участники экспедиций в колхозы действительно хотели видеть себя полезными, хотели стать частью «социалистического строительства». Эта оптика позволит увидеть в изучении коллективизации не только политическое предприятие, но и исследовательский энтузиазм сотрудников, заинтересованных в получении прикладного научного знания. В первой части статьи я покажу, какие дискуссии вели этнографы на заседаниях «колхозной группы», вторая часть будет посвящена особенностям полевой работы советского этнографа в колхозе.

На данный момент деятельность группы по этнографическому изучению колхозов освещена лишь отчасти. Упоминается об этнографических экспедициях в колхозы в контексте академического пути отдельных этнографов, например А. Я. Дуйсбург (Аброськина 2019), А. Н. Кондаурова

(Прищепова 2016), или об истории отдельных исследовательских центров, например Этнографического музея (Петряшин 2018). Первые этнографические экспедиции в колхозы описаны также в монографии С. С. Алымова о П. И. Кушнере, в контексте обсуждения нового этапа изучения современности советскими этнографами в 1940–1950-е годы (Алымов 2006). В обзорной статье А. Г. Новожилова были отмечены общие черты работы группы на основе опубликованных источников (Новожилов 2012). Он делает вывод, что в этнографических описаниях колхозов в 1930-е годы скорее «преобладал пафос сопереживания свершающемуся процессу, а не анализ» (Новожилов 2012: 96). Я постараюсь показать обратное: на мой взгляд, советские этнографы старались сохранить научный подход к анализу этнографического материала.

Ключевым источником для меня являются протоколы регулярных заседаний колхозной группы этнографов в период с октября 1930 по май 1932 г., которые хранятся в фонде Института по изучению народов СССР в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук. Помимо протоколов, я привлекаю и другие источники, например материалы, собранные исследователями в поле, дневники. Эти материалы хранятся в Архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и архиве Российского этнографического музея.

ДИСКУССИИ НА ЗАСЕДАНИЯХ

В период первой «академической пятилетки» каноничной модели «внедрения» марксистской парадигмы в этнографию еще не существовало. Такой вывод можно сделать, рассмотрев, помимо резолюций «установочных» совещаний (как, например, этнографическое совещание 1929 г.), протоколы рутинных встреч сотрудников. Примером таких запротоколированных встреч являются заседания колхозной группы за период с 18 октября 1930 по 23 мая 1932 г. Чаще всего на заседаниях заслушивали доклады по итогам экспедиций либо сотрудников, только планирующих свою полевую работу. Однако доклады не всегда были в центре обсуждения, иногда они становились поводом для начала дискуссии на более широкие темы, связанные с пониманием участниками заседания границ своей дисциплины.

На заседаниях присутствовали представители руководства института (например, заместитель директора Н. М. Маторин, ученый секретарь М. Г. Худяков). Можно предположить, что смена вектора обсуждений «колхозной группы» была обусловлена заявлениями Президиума АН, которые передавали представители руководства института. Однако подобные приказы и заявления часто не содержали подробной инструкции; например в Уставе Академии наук 1930 г. закреплено, что она содействует «выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения» (Устав 1930: 2), но не описано, каким образом. Интереснее обратить внимание на то, как повседневные заседания становились пространством поиска этого единого научного метода.

Одной из обсуждаемых колхозной группой тем стало значение экономических данных для этнографии. На совещании 1929 г. методом этнографической работы был назван диалектический материализм, который предполагал деление наблюдаемых исследователем явлений на базис и надстройку (где первое — тип социально-экономических отношений, второе — явления культуры и быта). Уже на первом заседании колхозной группы в октябре 1930 г. докладчик, этнограф А. Г. Данилин, а вместе с ним и все присутствующие были обвинены в «экономической кустарщине». В контексте экономики того периода кустарщина связывалась с непланным и нерациональным поведением, например на предприятии. Кустарщина в этнографии означала использование экономических фактов непрофессионально и бессистемно — «этнограф, беря экономические факты, кустарничает» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 97 об.). В заключительном слове М. Г. Худяков высказался о необходимости анализа «существующих элементов материальной культуры и идеологических надстроек» на основе выявления базы. Для успешного этнографического исследования необходимо было «овладеть методом, дающим ключ к разрешению всех этих вопросов, — методом диалектического материализма» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 98 об.).

Наиболее интенсивная дискуссия о роли экономики случилась на пятом заседании группы в декабре 1930 г. Критикуя доклад Е. Р. Лепер о летней поездке в колхозы, М. Г. Худяков обратил внимание на то, что в ходе работы вопросы экономики проработаны не были, например «не было вскрыто экономическое обоснование» неудач советской власти в колхозах Минецкого района (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 84 об.). В защиту докладчика выступила Н. Н. Тихоницкая, которая заявила, что «этнограф не специалист по экономике», а потому не может углубиться в вопросы, которые требуют дополнительных навыков и времени. Возможное решение этой проблемы — комплексные экспедиции, «чтобы ехали и этнограф, и экономисты», которые «работали бы в контакте». В ответ на это Худяков сказал, что «каждый этнограф должен быть экономистом» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 85). В процессе дискуссии участники заседания разделились на две группы, первая считала необходимым прибегать к помощи экономистов для правильной работы с экономическими данными, вторая группа вела речь о том, что при наличии соответствующей подготовки до экспедиции этнограф в состоянии самостоятельно подойти к анализу этнографических фактов с точки зрения экономики.

Вероятно, незафиксированным в протоколе итогом этой дискуссии стал выбор в пользу этнографа, который должен был пользоваться услугами экономиста. Уже на следующем заседании Маторин говорил о преимуществах «людей, пользующихся методом этнографии». В отличие от своих коллег-экономистов, этнографы анализируют «бытовой материал», а поэтому могут заниматься изучением процессов «переделки человека» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 83 об.). Постепенно эта идея укреплялась, отмечалось, что этнографы дают «качественные показатели в противовес экономистам» и могут уделять больше внимания «надстроечным явлениям» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 81). Экономический и этнографический анализ дополняют друг друга, экономисты показывают, как одна формация сменяет другую, а «на долю этнографа [выпадает] изучить те перемены, которые вызывают [эту] смену» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 82).

Дискуссия о том, насколько этнографу необходимо одновременно быть экспертом в области экономики, является частью более широкой проблемы — о судьбе этнографии как самостоятельной дисциплины в целом. Уже на этнографическом совещании 1929 г., помимо «марксизации», речь шла об историзации этнографии. Задачей этнографа было названо «историческое изучение конкретных во времени и пространстве человеческих обществ и отдельных культурных явлений» (От классиков к марксизму 2014: 75). В самом начале работы группы Н. М. Маторин подчеркнул, что задача этнографов — «зафиксировать исторический момент возникновения колхозов в самом начале их образования, зафиксировать изменения в быту в переходный период» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 90). Таким образом, этнографический материал уже на стадии сбора считался потенциально необходимым для будущих историков коллективизации, а этнографы становились свидетелями настоящего, которое имеет историческое значение. В январе 1931 г. была опубликована статья Маторина «Современный этап и задачи советской этнографии», где было сказано о том, что «в будущем этнограф ничем не будет отличаться от историка» (От классиков к марксизму 2014: 68), а на заседании колхозной группы в феврале этого же года он подчеркнул, что «в прениях [была] вскрыта условность понятия этнография» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 55 об.). При изучении колхоза «каждый дает свою особенную трактовку»: чей-то подход можно считать социологическим, чей-то историко-культурным. Однако общей задачей было осветить вопрос «преодоления укладов» и показать «ростки социализма» в национальных районах (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 55 об.). В апреле 1931 г. были пересмотрены существующие колхозные программы с целью выработки новых. Среди сформулированных положений отмечалось, что целью изучения колхозов является «фиксация современного этапа в истории и развитии колхозного движения», потому что «только теперь это возможно наблюдать непосредственно», некоторые явления, например уклад единоличных хозяйств, вскоре станут «реликтовой формой» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 66 об.).

В конце декабря 1931 г. на заседании колхозной группы был поставлен вопрос о том, что работа по обработке материалов, собранных в экспедиции, затянулась, С. М. Абрамзон напомнил присутствующим, что тематикой работы колхозной группы является «история классовой борьбы» и «надстроечные явления культурной революции» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 38). Через некоторое время, в январе 1932 г., Н. М. Маторин выступил с докладом «О задачах историков-марксистов на этнографическом фронте» в Москве на совместном заседании Института истории Комакадемии и Общества историков-марксистов. В своем докладе он употреблял понятие «этнография» в кавычках, отмечая, что оно «является абсолютно изжившим себя в смысле особой науки» (От классиков к марксизму 2014: 70).

Далее, 22 февраля 1932 г. на общем собрании сотрудников ИПИИ выступил с докладом «Язык и этнография» директор института Н. Я. Марр. Заметив, что «до сих пор между ним и сотрудниками было мало общения», он перешел к основному тексту доклада, который затронул и вопрос самостоятельности этнографии как науки: «Говорят, что этнографы должны исчезнуть. Однако они нужны. Сомнительна лишь этнология. Сейчас многие этнографы уже перестраиваются, становятся более, чем этнографами» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 59. Л. 11). Скорее всего, заявление Марра могло означать, что этнографы уже не занимаются исключительно исследовательской работой, а «перестраиваются» и становятся полезными обществу, в частности в деле колхозного строительства, поэтому «они нужны». Вместе с тем Марр мог иметь в виду, что этнографы становятся более компетентными и самостоятельными в методологических и теоретических вопросах. Присутствовавший на заседании Маторин отметил, что «из доклада этнографы должны извлечь много указаний для своей работы». Последовавшее за общим собранием сотрудников заседание колхозной группы 28 февраля 1932 г. открылось докладом Маторина, основной тезис которого заключался в том, что работу колхозной группы необходимо «поднять на теоретическую высоту» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 22 об. — 23).

КАБИНЕТ И ПОЛЕ

Полевой сезон колхозных этнографов начинался летом и длился от нескольких дней до нескольких месяцев. Основным методом подготовки к экспедиции была коллективная «проработка» в рамках заседаний «колхозной группы». В течение некоторого времени этнограф знакомился с доступными экономическими, историческими и этнографическими материалами по району — это был историографический этап. В результате такой подготовки у этнографа должно было сложиться точное представление о «базисе» изучаемых им явлений. Например, «о положении крестьян во время крепостного права — были ли они государственные или крепостные, о наделе земли до революции» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 84 об.). Еще до начала полевой работы этнограф должен был знать «экономические особенности деревни в целом, чтобы уяснить среду, в которой возникли колхозы» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 98). Результатом была формулировка «узловой задачи» или «стержневого вопроса». Считалось, что без такой подготовки этнограф будет «заниматься всем подряд», а «за мелочами можно упустить главное» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 90).

На одном из заседаний были выделены три типа изучения колхозов: «обследование путем беседы с руководителями», «непосредственное участие в работе колхоза», «изучение и наблюдение жизни колхоза» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 89 об.). Источниками для этнографической работы, кроме непосредственного наблюдения, считались «колхозные документы» и фольклорные материалы. Исходя из материалов А. Г. Данилина следует, что на месте этнографической экспедиции он не только занимался самостоятельным сбором данных, но и обращался за помощью к местным жителям, т. е. фактически прибегал к помощи информантов. Помимо заметок Данилина, в деле есть материалы, отличающиеся как по стилю письма (почерк, бумага), так и по характеру изложения. Это самодельные тетради, каждая группа данных в которой была озаглавлена «Работа...», где вме-

сто многоточия вписан день и месяц. Эти тетради сопровождаются красочными таблицами и диаграммами, выполненными цветными карандашами, гуашью. Заголовки: «Количество земли, находящейся у граждан Едрова», «Учет земли, занятой посевами», «Анализ почвы пашни» и т. д. (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 228. Л. 145–146). Один из таких отчетов содержит фразу: «У нас в Едрове сохранились старинные песни. Мы их соберем и запишем. Эти песни девушки часто поют по вечерам» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 228. Л. 151–152). Фраза позволяет утверждать, что данные собирались не этнографом, а местными жителями. Учитывая то, что этнографы обсуждали сотрудничество с краеведческими центрами района, вполне вероятно, что подобные записи были сделаны именно краеведами. Помимо песен, в тетрадях есть, например, история села Едрова:

Это было давно. Села Едрова еще не было. Пришел рыбак Обух и поселился на берегу нашего озера. Вот начало расселения Едрова. У нас есть остатки старины. Сопки, Маяк, Городище — это места, где проходили литовцы <...> В Едрове жили богато. У многих были деньги на сберегательной книжке. Ели, жили и одевались хорошо. Около 50 лет тому назад была построена Сев.-Зап. ж/д — крестьяне набросились на заработки. Сельское хозяйство упало <...> Когда проведено было шоссе, в Едрово выселяли крестьян из других деревень <...> Это было более 100 лет тому назад. Выселяли государственных крестьян. Таким образом у нас образовалось большое село (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 228. Л. 39–40 об.).

Также Данилин записывал со слов жителей колхоза автобиографии, некоторые моменты в которых подчеркнуты. Один колхозник рассказывал о том, что любит читать и в скобках этнограф заметил, что колхозник «всё перечислил» (имеются в виду прочитанные книги). Там же колхозник рассказывает о своем визите в Петербург, и что ему понравились там картины. Также среди собранных в колхозе материалов — оригиналы заявлений о просьбе принять в колхоз (или заявления о выходе из колхоза), протоколы заседаний правления колхоза.

Следующий пример — полевой дневник А. Я. Дуйсбург, который она вела в экспедиции в белорусские колхозы летом 1932 г. Её записи позволяют увидеть экспедиционную рутину. Так, по приезду в Белоруссию этнографы начали проводить совместные заседания с сотрудниками Белорусской академии наук, чтобы подготовиться к отъезду в колхозы. В день отъезда Дуйсбург сделала запись о том, что посадка в транспорт «отличалась крайней дезорганизованностью, что вызывает некоторые опасения для дальнейшей работы». Прибыв на место, они «приступили к работе. Совещание этнографических бригад показало отсутствие увязки в планах работы ленинградцев и минских работников», однако «после некоторой борьбы» им удалось договориться (АРЭМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 418. Л. 23, 28).

Сегодня приехали в д. Рудни Рудницкого сельсовета в 7 километрах от Житковичей. Дорога шла по открытой песчаной местности, покрытой пашинами льна, овса, проса. Выходы довольно плохие, местами лен едва виден от земли. Деревня Рудни оказалась очень культурной. Население здесь шляхтянские, и поэтому живут чище, чем крестьяне. Одеты все по-городскому. Хозяин хаты, где мы остановились, на фотографии снята в модном платье. Очень многие семьи имеют связь с городом, 8 девиц вышли замуж в одну только Москву. Два года назад здесь вели большую культурную работу, население проявило большую активность (по словам местного механика). Построили на свои средства две школы, перевезли клуб, они даже получили название «министров» за свою культурность (АРЭМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Л. 1–1 об.).

Здесь хочется обратить внимание на то, что особый акцент ставится на культурности, этнограф отмечает, что деревня, в которую они приехали, «оказалась культурной». Российский социолог В. В. Волков отмечал, что «культурность никогда не была четко сформулированным понятием, ни один руководитель партии или правительства не давал установок, как стать культурным» (Волков 1996: 199). В контексте того, как о культурности высказывается Дуйсбург, можно предположить, что для нее быть культурным значило стремиться разнообразить колхозную рутину не связанным с работой досугом — походом в избу-читальню, клуб. Однако культурность в ее описании также связана с отсылкой к шляхетскому прошлому населения колхоза и с элементами городского быта —

модная одежда, фотографии. Интересно упоминание социальной мобильности — переезда девушек в город после женитьбы. Вскоре она снова заговорила о культурности колхозников, однако на этот раз комментарий был критический:

Дождливый и пасмурный день, к вечеру разразилась гроза, все на поле, можно было поговорить только с секретарем партячейки о культурной работе. Беседу вели в клубе, бывшая церковь, окна хотя и большие, но вставлены двойные рамы, окна грязные, внутри клуба сцена и зал со скамьями. Называется дом культуры, но культуры здесь не особенно много, сперт воздух, пол моется раз в два месяца. Есть [уборщица] этого дома, но она сейчас ходит в поле на уборку хлеба, нема времени убирать клуб, да туда никто сейчас и не ходит, если не позовут. Вообще культурная работа, как и в других селах, хромает, главным образом в том, что не выделен специальный работник на эту работу (АРЭМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Л. 11–11 об.).

Здесь под культурой подразумевается прежде всего следование определенным гигиеническим нормам — содержание помещения в чистоте. Вместе с этим подчеркивается и общее отсутствие интереса к Дому культуры. Подобную реакцию вызвало также нежелание колхозников участвовать в заседании актива сельсовета:

...пришло человек двадцать, преимущественно мужчины, девушки только зашли, да и вышли <...> хохот и шум на улице. Малевич делал доклад о нашей экспедиции, с большим трудом добились некоторых выступлений активистов. Вообще заседание прошло довольно вяло, к концу осталось несколько человек. По-видимому, здесь очень мало активных сил (АРЭМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Л. 10 об.).

Важно, что этнографы и другие сотрудники обсуждали планы экспедиции со своими информантами. В дневнике Дуйсбург сохранился примерный план отчета, который необходимо было сдать этнографу по возвращении из экспедиции. Помимо стандартной информации о составе бригады, организации работы и методах исследования изучаемых объектов, в плане отчета присутствуют пункты, свидетельствующие о прикладном характере этнографических исследований, например перечисление предварительных выводов и описание того, какие проблемы на основании собранных материалов можно решить. Интересно, что одним из пунктов отчета является «отношение населения и местной организации к проводимой вами работе» (АРЭМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Л. 16). То есть этнографы рефлексировали на тему собственного полевого опыта, а также характера отношений, которые получилось установить с информантами.

К исследовательской рефлексии относятся также появлявшиеся на разных стадиях работы с материалом критические замечания, чаще всего в отношении организации экспедиций. Например, Л. П. Потапов в статье о колхозах Ойротской автономной области пишет о том, что он поехал в экспедицию «в порядке аспирантской производственной практики» с целью собрать этнографический материал в колхозах. Однако «по приезду в Ойротию случилось так, что [ему] пришлось заняться работой не по специальности и произвести экономическое обследование», что «лишило возможности вести стационарную работу» по намеченному плану (Потапов 1932: 5). Многие этнографы жаловались на то, что приезжали к колхозникам в неподходящее время: «Экспедиции у нас только летом, это является большим лишением. Мы не захватываем целого ряда производственных моментов» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 38 об.). Также отмечалось, что нахождение в колхозе «в летнее время в разгар работ, когда вопросы снабжения хорошо поставлены» не дает возможности оценить общую картину (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 27 об.). В своем дневнике Дуйсбург писала: «Все попытки собрать материал в сельсовете и колхозе не увенчались успехом. Началась страдная пора, все силы и все интересы как сельсовета в целом, так и правления колхоза сосредоточены на уборке урожая» (АРЭМ Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Л. 2 об.).

Итогом экспедиции становился доклад, сделанный на заседании колхозной группы, далее принималось решение о том, будет ли работа допущена к публикации. Стоит отметить, что в результате работы колхозной группы опубликованы только два тома сборника «Труд и быт в колхозах» под редакцией Н. М. Маторина (1931), а также несколько отдельных работ в журнале

«Советская этнография». Например, в разделе «Хроника» опубликована обзорная статья М. Д. Торэн «Работа колхозной группы за 1931–32 гг.» (Торэн 1932: 139–141). Выбор Торэн в качестве автора публикации может быть объяснен тем, что она являлась секретарем многих заседаний колхозной группы, вела протоколы встреч. В тексте она приводит краткие сведения по заслушанным группой докладам. Например, говоря о докладе Паклара «Коллективизация в отсталой эстонской деревне», она отмечает, что докладчик хорошо справился с характеристикой одного из наиболее отсталых районов. Если обратиться к запротоколированному обсуждению этого доклада, то можно увидеть, что у двух участников заседания возникли вопросы к термину «отсталость»; один из участников заседания и вовсе подытожил, что «докладчик не знал, что он сам знает и что будет говорить» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 30 об. — 32). Формат обзорной статьи, конечно, не предполагал детального отражения всех дискуссионных моментов заседаний. В обзоре нет анализа деятельности группы, скорее эту публикацию можно считать краткой «выжимкой» из протоколов заседания.

Заключительное слово по докладу произносил либо председатель заседания (чаще всего это был Н. М. Маторин, в разное время председателями также были С. М. Абрамзон, А. К. Супинский), либо кто-то из участников. Именно такие «вердикты» могут дать представление о существующем стандарте публикации по докладу.

Необходимо привлечь сравнительный материал. Вопросы идеологии анализировать не самостоятельно, а в связи с хозяйственно-экономическими. Заострить внимание на положительных сторонах перевоспитания людей колхозом. Новое отношение к труду и т. д. Дать динамику процесса. Политическое значение этих статей — давать анализ процессов с большевистским оптимизмом (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 58 об.).

Интересно то, что Н. М. Маторин обозначил «политическое значение» работы, которую выполняли этнографы. Она могла и должна была стать красочной иллюстрацией того, что людей возможно «перевоспитать» колхозом. «Статьи для сборника должны быть не беллетристического характера, а чисто научного <...> В части политической должны отвечать директивам партии и правительства» — еще одно любопытное требование, сформулированное Маториным (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 43.). Важно подчеркнуть стремление сохранить научный подход к материалу, который отделяется от «политической» части публикуемых статей. На одном из заседаний колхозной группы в начале февраля 1932 г. С. М. Абрамзон отметил: «В наших работах мы тонем в фактах, представляем материал, просто группируя его, а обобщить его не научились, на это следует обратить серьезное внимание» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 28 об.). Таким образом, этнограф должен был стремиться к аналитическому обобщению наблюдаемых явлений. Именно теоретический анализ этнографических фактов виделся итогом исследовательской работы и в перспективе мог решить конкретную проблему колхоза.

После экспедиционного сезона этнографов просили не затягивать с аналитической работой, чтобы ускорить «практическое использование материалов». Этнографические данные «так стареют, что делаются никому не нужными», поэтому «по приезде экспедиций нужно сразу из материалов делать практические выводы» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 38 об.). Предполагалось, что обработанные материалы будут доступны всем сотрудникам, планировалось создание архивного отдела в библиотеке института. «Практическое применение материала» означало, что этнограф должен был поделиться результатами своего анализа с управлением колхоза и «указать те недостатки, которые тянут назад» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 82). В процессе заседания у этнографа могли поинтересоваться, какие он сделал практические выводы «и довели ли их до колхоза» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 43 об.). Несколько раз этнографы обсуждали между собой необходимость вернуться в уже изученные колхозы, чтобы понаблюдать за улучшениями. Над некоторыми колхозами было установлено культшефство: белорусскому сектору института даже предложили составить деловую смету на выписку книг для передачи в колхоз, обсуждалась ликвидация там неграмотности и положение подшефных колхозов в целом. Большинство

докладчиков старались отмечать позитивные моменты «перевоспитания людей колхозом». В ответ на выводы об отсутствии у колхозников, например, культурных сдвигов, докладчику советовали присмотреться: «на самом деле они есть, только их надо выявить» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Л. 25).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всероссийское археолого-этнографическое совещание 7–11 мая 1932 г. пришло к выводу о том, что марксистская этнография возможна скорее как наука историческая, этнографический материал был назван «великолепным источником исторического исследования» (От классиков к марксизму 2014: 74). В мае этого года также состоялись заключительные заседания колхозной группы. На последнем из них, как следует из протокола, обсуждали программу изучения культурной революции в колхозах. В этот же день состоялось заседание бригад научно-исследовательского отдела института, на котором было предложено использовать уже собранный материал «на основе проблематики выдвинутой археолого-этнографической конференцией» (СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 122. Л. 8).

Какая это была проблематика? В выступлениях Н. М. Маторина были озвучены «тезисы об «истории народов СССР» как новой парадигме, в рамках которой в дальнейшем будут работать этнографы» (От классиков к марксизму 2014: 74). Трехлетняя работа института по изучению народов АН СССР формально завершилась в феврале 1933 г., когда постановлением Президиума Академии наук был создан Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Он объединил Музей антропологии и этнографии АН СССР, Институт по изучению народов АН СССР и Комиссию по изучению племенного состава населения СССР.

Вновь к проблематике «изучения современности» этнографы вернулись в послевоенное время (Алымов 2006; Новожилов 2012). В октябре 1948 г. на заседании ученого совета Института этнографии руководством был поставлен вопрос: «Чем мы полезны для нашего советского государства, для нашего советского народа?» Началось обсуждение сборника статей о культуре и быте колхозов (Алымов 2006: 182). В своей статье «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства», опубликованной в 1952 г., Кушнер упомянул работы предшественников вскользь, заявив об отсутствии методических разработок на первых порах изучения колхозов (Кушнер 1952: 139). В приводимых Алымовым архивных материалах можно увидеть более распространенный комментарий: «Перед нами большая задача — найти общий метод, найти общий язык для такого нового для нас направления. И если товарищи говорят, что это не ново, что уже в 1935 и даже в 1928 г. изучали колхозы, то нам приходилось говорить больше об отрицательном опыте этнографов тех лет, чем о положительном. Посмотрите на любую программу изучения 1935 г. — там этнографии нет, там история колхоза, история классово-борьбы и экономический строй. Это было в то время вредительским направлением на уничтожение этнографии в начале 1930-х гг., и оно отразилось в большинстве этих программ» (Алымов 2006: 181).

Однако, несмотря на это, задачи, которые поставили перед собой этнографы в 1950-е годы, схожи с теми, которые преследовали этнографы в 1930-е. Здесь мы видим и наблюдение за «социалистической перестройкой быта в условиях различных по своей форме национальных культур», и фиксацию изменений в быту, свидетельствующих о «проникновении в сознание колхозников социалистического правосознания и стремления к переустройству жизни», а также поиск «помех» и «тормозов» на пути культурного развития (Алымов 2006: 185–186). Можно наблюдать формулировку все тех же «прикладных задач», которые пытались разрешить своими исследованиями первопроходцы «колхозной этнографии» в 1930-е. Однако, несмотря на наличие определенных сходств в установках изучения колхозов, стоит отметить, что этнографы в 1930-е годы занимались изучением только нарождавшихся колхозов, «в послевоенный период этнографы описывали уже победивший колхозный строй и вызванные им перемены в жизни крестьянства» (Алымов 2006: 218).

Рассмотренный хронологический период обычно связывается с процессом марксизации этнографии и формулировкой методологии диалектического материализма. Связан он и с развитием прикладных этнографических исследований, направленных на поиск и анализ явлений, которые тормозили переход от старых форм быта к новым. На примере колхозной группы я хотела показать, как советские этнографы справлялись с поставленной перед ними прикладной задачей, стремясь остаться при этом в границах научного подхода к наблюдаемым явлениям. Участники колхозной группы обсуждали структуру и принципы этнографической работы в поле: количество проведенного в колхозе времени, преимущества и недостатки летних поездок, необходимость знания языка изучаемого района. Возможно, их исследования становились марксистскими тогда, когда увиденное в поле они описывали в терминах классовой борьбы между кулаками и бедняками или когда ссылались на труды Маркса, Ленина и Сталина. Однако их объединяло понимание, что наука не может существовать ради самой науки — она должна приносить пользу государству.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея
АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Дуйсбург А. Я. Белорусская женщина в колхозном строительстве. 1934.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 418. Дуйсбург А. Я. Дневник № 1 экспедиции в БССР, в Полесье. 1932.
АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 419. Дуйсбург А. Я. Дневник № 2 экспедиции в БССР, в Полесье. 1932.
СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 228. Материалы, собранные Данилиным по изучению деятельности и быта колхозов Боровичского округа.
СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 79. По реорганизации КИПС и МАЭ и проверке личного состава (протоколы, записки, распоряжения).
АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 59. Протокол общего собрания сотрудников ИПИН (в материалах А. Г. Данилина).
СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 329. Протоколы заседаний колхозной группы ИПИН с приложением планов работы группы.
СПбФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 122. Протоколы Президиума ИПИН, собраний сотрудников, комиссий и бригад.
Аброськина Е. В. «Вместо этнографии приходится заниматься исключительно этим...»: послевоенные экспедиции Государственного музея этнографии сквозь призму писем к А. Я. Дуйсбург // Музей — Памятник — Наследие. 2019. № 1 (5). С. 102–114.
Альмов С. С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М.: ИЭА РАН, 2006.
Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени. // Социологический журнал. 1996. № 1–2. С. 194–213.
Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
Кушнер П. И. Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // Советская этнография. 1952. № 1. С. 135–142.
Лопуленко Н. А. «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» 1990–2011: аналитический обзор. Вып. 228. М.: ИЭА РАН, 2012.
Новожилов А. Г. Этнографическое изучение колхозного крестьянства в 1930–1950-х годах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. 2012. Вып. 2. С. 90–101.
От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Альмова, Д. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Петряшин С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175.

Потапов Л. П. Поездка в колхозы Чемальского аймака Ойротской автономной области. Л.: Изд-во АН СССР, 1932.

Прищепова В. А. Этнографическая работа А. Н. Кондаурова в Таджикистане // Кунсткамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач / отв. ред. и сост. В. Н. Семенова. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 151–164.

Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Торэн М. Д. Работа колхозной группы ИПИН за 1931–1932 гг. // Советская этнография. 1932. № 2. С. 139–141.

Труд и быт в колхозах: из опыта изучения колхозов: в 2 т. / отв. ред. Н. М. Маторин. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1931. Сб. 1: Из опыта изучения колхозов в Ленинградской области, Белоруссии и Украины. 210 с.; Сб. 2: Колхозы советского хозяйства (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Армения).

Устав Академии наук СССР. 1930 год. URL: <http://arran.ru/data/pdf/ustav1930.pdf> (дата обращения: 05.05.20).

REFERENCES

Abrós'kina E. V. "Vместo etnografii prikhoditsia zanimat'sia iskluchitel'no etim..." poslevoennye ekspeditsii Gosudarstvennogo muzeia etnografii skvoz' prizmu pisem k A. Ya. Duisburg [Instead of Ethnography, You Have to Do Exclusively This...]: Post-War Expeditions of the State Museum of Ethnography through the Prism of Letters to A.Y. Duisburg], *Muzei-Pamiatnik-Nasledie*, 2019, no. 1 (5), pp. 102–114. (In Russian)

Alymov S. S. P. I. *Kushner i razvitie sovetskoi etnografii v 1920–1950-e gody* [P.I. Kushner and the Development of Soviet Ethnography in the 1920–1950s]. Moscow: IEA RAN, 2006. (In Russian)

Volkov V. V. Kontsepsiia kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaia tsivilizatsiia i povsednevnost' stalinskogo vremeni. [The Concept of *Kul'turnost'* in 1935–1938: Soviet Civilization and Everyday Life of the Stalin Era]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1996, no. 1–2, pp. 194–213. (In Russian)

David-Fox M. *Peresekaia granitsy: modernost', ideologiia i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soiuze* [Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russian)

Kushner P. I. Ob etnograficheskom izuchenii kolkhoznogo krest'ianstva [On the Ethnographic Study of the Collective Farm Peasantry]. *Sovetskaia etnografiia*, 1952, no. 1, pp. 135–142. (In Russian)

Lopulenko N. A. "Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii" 1990–2011: Analiticheskii obzor ["Studies in Applied and Urgent Ethnology" 1990–2011: An Analytical Review]. Issue 228. Moscow: IEA RAN, 2012. (In Russian)

Novozhilov A. G. Etnograficheskoe izuchenie kolkhoznogo krest'ianstva v 1930–1950-kh godakh [Ethnographic Study of the Collective Farm Peasantry in the 1930–1950s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2, 2012, no. 2, pp. 90–101. (In Russian)

Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelia 1929 g.) [From Classics to Marxism: The Meeting of Ethnographers from Moscow and Leningrad]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014. (In Russian)

Petriashin S. 'Sotsrealizm i etnografiya: izuchenie i reprezentatsiya sovetskoy sovremennosti v etnograficheskom muzee 1930-kh gg.' [Socialist Realism and Ethnography: Study and Representation of Soviet Contemporaneity in Ethnographic Museums in the 1930s]. *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 39, pp. 143–175. (In Russian)

Potapov L. P. *Poezdka v kolkhozy Chernal'skogo aimaka Oirotskoi avtonomnoi oblasti* [A Trip Round the Collective Farms of Chermal aimag of the Oirat Autonomous Oblast]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1932. (In Russian)

Prishchepova V. A. Etnograficheskaia rabota A. N. Kondaurova v Tadzhikestane [A.N. Kondaurov's Ethnographic Work in Tadjhikistan]. *Kunstkamera: kolleksii i khraniteli. Pamiati Zoi Leonidovny Pugach* [Kunstkamera: Collections and Keepers. In memory of Zoya Leonidovna Pugach]. St. Petersburg: MAE RAN, 2016, pp. 151–164. (In Russian)

Slezkine Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. (In Russian)

Москвина Д. А. Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР...

Toren M. D. Rabota kolkhoznoi gruppy IPIN za 1931–1932 [The Work of the Collective Farm Research Group in 1931–1932]. *Sovetskaia etnografiia*, 1932, no. 2, pp. 139–141. (In Russian)

Trud i byt v kolkhozakh [Work and Everyday Life in *Kolkhozes*]. Vol. 1, 2. Ed. N. M. Matorin. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1931. (In Russian)

Ustav Akademii nauk SSSR [The Charter of the Academy of Sciences of the USSR], 1930. URL: <http://arran.ru/data/pdf/ustav1930.pdf> (accessed: 05.05.20). (In Russian)

Submitted: 20.12.2020

Accepted: 04.02.2021

Published: 01.04.2021